
Профессионалы в политике и профессиональные политики

О.В. КРЫШТАНОВСКАЯ*, И.А. ЛАВРОВ**

***Ольга Викторовна Крыштановская** – доктор социологических наук, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, olgakrysht@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5278-0940>

****Иван Андреевич Лавров** – кандидат социологических наук, заместитель директора Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, lavrov.sociology@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3567-4502>

Цитирование: Крыштановская О.В., Лавров И.А. (2025) Профессионалы в политике и профессиональные политики // Мир России. Т. 34. № 1. С. 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-6-30

Аннотация

Статья посвящена исследованию действующих профессиональных каналов вертикальной мобильности в российской политике. В ней предпринята попытка ответить на следующие вопросы: какие профессиональные компетенции можно рассматривать как соответствующие профессии политика; как представлены различные профессиональные группы в российском истеблишменте? Предшествующая инкорпорации в систему власти профессия и приобретенный в ходе карьерного роста опыт оказывают существенное влияние на последующую деятельность акторов, которые несут ответственность за политические нарративы и стратегию общественного развития. Кроме этого, профессионализм политиков как таковой является одним из факторов формирования общественного доверия к государственным институтам, а следовательно, и легитимности власти. Таким образом, изучение профессиональных траекторий имеет важное значение не только для решения прикладных задач, но и для возможного прогнозирования политических трендов ближайшего будущего и поиска общественного консенсуса в вопросах о компетентности субъектов государственного управления.

Для выполнения поставленных задач было проведено количественное биографическое исследование профессионального опыта действующих представителей органов трех уровней власти. Всего в выборочную совокупность вошли 800 политиков исполнительной и законодательной ветвей власти – 300 федерального уровня, 400 регионального и 100 муниципального. В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что наряду с профессионалами высшего ранга, добившимися значительных успехов в своей основной деятельности, в политическую систему инкорпорируется всё большее число «нулевых специалистов», попадающих в органы власти сразу после окончания вуза.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2024 г.

Для первых политика – это мета-профессия, их габитус сформирован предыдущим опытом вне государственных институтов; они обладают значимым общественным авторитетом, который присовокупляет власть, приумножая свой собственный капитал. Для вторых государственное управление и есть их основная профессия: они формируются внутри системы, зачастую продвигаясь по закрытым и непрозрачным для общества каналам мобильности. Структурная сложность и разветвленность функционирующей системы рекрутации управляющих кадров рождает разногласие в общественном мнении. Граждане, желая видеть на управленческих должностях самых профессиональных и опытных людей, пользующихся авторитетом в конкретной отрасли и на конкретной территории, теряются в оценке компетентности «нулевых специалистов». В связи с этим для легитимации политической системы России в целом и ее правящей элиты в частности требуются осмысление сложившейся ситуации и оптимизация работы по осведомлению населения о существующих принципах формирования новой элиты.

Ключевые слова: профессия, политика, вертикальная мобильность, габитус, элита, бюрократия, карьера, социальный лифт

Проблема

Государством должны управлять профессионалы. Было бы странно спорить с этим утверждением, это очевидно. Но кто такие профессионалы в данном контексте? В каких именно навыках должны быть профессионалы политики¹? Сама по себе политика не является профессией в обычном смысле слова, поскольку никто не получает диплом политика, заканчивая университет. Вряд ли найдутся подростки, которые планируют стать политиками, когда вырастут. Да и как ими стать? Куда пойти учиться, чтобы затем развивать политическую карьеру? Какие действия предпринять в этом направлении? И в какой степени такой выбор зависит от самого человека?

В учебнике по истории КПСС когда-то писали о профессиональных революционерах, подразумевая людей, которые не имели иной профессии, кроме подпольной революционной борьбы [Ленин 1963, с. 124]. Профессия отличается от иных занятий тем, что она дает человеку средства к существованию. Поэтому профессиональные революционеры должны были иметь источник регулярно поступаемых денег, будь то добровольные пожертвования сторонников («донаты», выражаясь современным языком) или средства от продажи «мерча» (например, газеты «Искра»). Под профессиональным политиком часто понимают не столько профессию как таковую, как должность и источник доходов.

Но в этой статье мы попытаемся разобраться в том, какие именно профессиональные навыки можно рассматривать в качестве соответствующих профессии политика. И какая ситуация сложилась в сегодняшней России с представительством профессиональных групп на политическом Олимпе.

¹ Термин «политик» мы будем использовать для обозначения людей, осуществляющих свою деятельность внутри политической системы РФ и, как правило, занимающих должности в исполнительной и законодательной ветвях власти. То есть в данном случае мы говорим о политиках в узком смысле слова. Политики в такой трактовке делятся на две категории: избранные (электоратия: депутаты и сенаторы) и назначенные (бюрократия: чиновники).

Избранный на демократических выборах президент страны может считаться профессионалом, если он уже имел опыт президентства? Назначенный министр должен иметь в бэкграунде министерскую должность? Что считать профессией ключевых персон, которые управляют страной: их занятия политикой или их специальность по университетскому диплому, а может, их первичную профессию, в которой они добились успехов до их перехода в политическую сферу? Вопросы эти далеко не праздные, так как от сложившегося стереотипа, какой профессиональный бэкграунд признается обществом как релевантный и приемлемый, зависит в итоге характер государственной политики, а также легитимность политической элиты, управляющей страной.

Если считать, что для министра годится опыт работы директором промышленного предприятия, это будет один сценарий управления отраслью. Человек, прошедший производственную школу, видимо, хорошо понимает организацию процесса работы фабрики, но, возможно, не так хорошо подготовлен в макроэкономических вопросах финансовой устойчивости, взаимодействия со структурами власти. «Хозяйственник» подойдет для того, чтобы управлять министерством промышленности, но вряд ли для управления сферой культуры или просвещения. Возможно, лучший руководитель – это публичный политик, трибун, лидер партии? Или ученый-экономист, опытный юрист, историк, философ? Ответы на эти вопросы, чрезвычайно важные для формирования доверия граждан к государству, занимают, на наш взгляд, незаслуженно скромное место в современных научных разработках.

Концепции и подходы

Все известные социологи писали о власти: Платон полагал, что лучшими правителями идеального государства будут философы, обладающие знатным происхождением и большими знаниями [Платон 2021]; Конфуций во главу угла ставил высочайшие моральные качества правителя [Конфуций 2022]; Томас Мор в своей «Утопии» предлагал пожизненно избирать князя, пользующегося безусловным авторитетом в обществе [Мор 2019]; другой утопист Томмазо Кампанелла ратовал за то, чтобы государством управляли священники-метафизики, исполняющие функции надзора над моральными устоями общества, а на высших позициях находились военные и судьи [Кампанелла 2021]. Во всех этих концепциях присутствовали два неперемennых критерия – знатное происхождение и личные достоинства. Эти критерии рождали две системы отбора – наследственную (то есть аристократическую) и заслуженную (то есть демократическую или меритократическую, основанную на талантах, признаваемых большинством). Об этом подробно писал А. Токвиль в своем фундаментальном труде «Демократия в Америке» [Токвиль 2024].

Карл Маркс принципиально изменил подход к правящему классу, выдвинув на первый план экономические принципы стратификации. Согласно его концепции, на вершине общества находятся не философы и судьи, а собственники средств производства. Именно это разделяет общество на классы с имманентно присущим антагонизмом: одни владеют собственностью, а другие нет [Маркс, Энгельс 2023]. Интересы таким образом понимаемых классов всегда противоположны, и между

ними развивается конфликт, который и движет историю. Источники собственности могут быть разными: кому-то она достается по наследству, кто-то получает ее самостоятельно. Для К. Маркса рождение буржуазии выходит за рамки дихотомии А. Токвиля, поскольку в капиталистическом обществе больше не существенно – наследовал ли ты свои богатства или заработал. Главное – владеешь ли ты собственностью или нет.

Макс Вебер доказывал, что экономическая стратификация общества является важным, но не единственным водоразделом. Не менее существенную роль, по М. Веберу, играют различия в социальном статусе, в месте во властной иерархии, а также в системе религиозных верований и прочем [Вебер 2017]. М. Вебер разделял классы, сословия и партии как сообщества, вычленяемые по разным критериям. Он писал: «Классы дифференцируются по отношению к производству и приобретению товаров, а сословия – по принципам потребления товаров, воплощенным в специфических стилях жизни» [Вебер 2017, с. 308]. Под партиями же он понимал группы, интегрированные для «<...> планомерного действия в направлении намеченной цели, будь то цель делового <...> или личного свойства», ибо таргетирование деятельности партий состоит в том, чтобы добиться влияния на аппарат власти и «<...> составить его из своих сторонников» [Вебер 2017, с. 309].

М. Вебер впервые стал говорить о политике не только как о сфере человеческой деятельности, но как об особой профессии, основанной на легитимности [Вебер 2018, с. 45]. Он связывал «легальное установление» с «деловой компетентностью», которая создана рациональными правилами капиталистических систем. В современных бюрократических обществах, полагал М. Вебер, политика становится «доходным промыслом» [Вебер 2018, с. 54], то есть, собственно говоря, профессией в узком смысле слова. Возникает слой профессиональных политиков, для которых политика больше не «работа по совместительству», а «первоочередное дело жизни» [Вебер 2018, с. 55]. Причем М. Вебер разделял всех профессиональных политиков на тех, кто живет для политики (то есть в надежде повысить свой социальный престиж), и тех, кто живет за счет политики (то есть ради денег).

Питирим Сорокин еще в начале XX в. писал, что высший класс образуют профессии, связанные «<...> с управлением, экономической организацией и социальным контролем» [Сорокин 2005, с. 93]. Из этих профессий образуется «контролирующий пункт», который становится влиятельным центром социума и «<...> закрепляет за собой максимум привилегий и власти» [Сорокин 2005, с. 90]. П. Сорокин был убежден, что названия групп, составляющих высший класс, «<...> могут меняться, но их социальные функции остаются по существу одними и теми же» [Сорокин 2005, с. 94], а именно – управление, организация и контроль. В его логике не все профессии равным образом востребованы властью: одни профессиональные группы почти всегда «<...> составляли верхние социальные страты, в то время как другие находились у основания социального конуса» [Сорокин 1992, с. 276]. Причем именно профессиональные организации являются «<...> тестирующими, отборочными и распределительными инстанциями» для селекции людей в высшие слои общества [Сорокин 2005, с. 188].

Другим важным подходом к анализу источников формирования элиты стали работы Джеймса Бернхема, предложившего термин «революция менеджеров» (*managerial revolution*), понимаемая как закономерная трансформация капитализма

в «общество управляющих» или «технократов» [Burnham 2021]. Дж. Бернхем доказывал, что происходит процесс отделения функций управления от функций владения, и на базе этого возникает новый класс, в который входят директора, высшие инженеры и администраторы. Эта идея была подхвачена многими социологами. Например, Роберт Патнэм, развивая концепцию Дж. Бернхема, утверждал, что на смену собственникам предприятий, предпринимателям и руководителям приходят «новые люди» в лице ученых, математиков, экономистов, инженеров, обеспечивающих технологический прогресс [Putnam 1976]. Об этом же писал и Торстейн Веблен, утверждавший, что среди влиятельных магнатов особую роль начинают играть «<...> изобретатели в широком значении этого слова», которые могли одновременно руководить производством, совершенствовать технические процессы и заниматься финансовой стороной дела [Веблен 2018, с. 25–26].

Другие ученые фокусировались на том, что в современном обществе все более заметную роль занимает функция надзора. Это подчеркивал Карл Манхейм, утверждая, что «<...> современное общество разработало множество различных видов контроля», включая воспитательный и дисциплинарный [Манхейм 2010, с. 113]. Мишель Фуко, развивая эту мысль, писал, что «<...> установление “надзора” за индивидами является естественным продолжением правосудия, пропитанного дисциплинарными методами и экзаменационными процедурами» [Фуко 2016, с. 277]. Следовательно, государство все в большей мере нуждается в специалистах по контролю и обеспечению пресловутой «прозрачности», которая чаще всего является требованием гражданского общества по отношению к органам государственного надзора, но подразумевает и зеркальный процесс – прозрачность жизни граждан, которых необходимо контролировать.

Американские социологи Ким Виден и Дэвид Граски в своей работе “The Case for a New Class Map” предложили микроклассовый подход к анализу современной социальной структуры. Они утверждают, что К. Маркс разрабатывал свою классовую теорию в период, когда масштабы производства были значительно меньше, а разделение труда было менее развито. Более того, в центре внимания К. Маркса были интересы рабочего класса, и предполагалось, что такие интересы одинаковы у всех рабочих, независимо от рода занятий. Исследователи считают, что в современных реалиях группы, выделяемые по профессиональной специализации, существенно более институционализированы, чем «большие классы». Именно профессиональный опыт, по их мнению, – это «рассадник социальных различий», лежащий в основе исследования элементов социальной структуры, в том числе и истэблишмента [Weeden, Grusky 2005].

Исследовательский интерес к анализу бэкграунда представителей правящего класса приближает нас к концепции *габитуса* Пьера Бурдьё, который он понимает как «<...> совокупность диспозиций действия, мышления, оценивания и ощущения <...> результирующая присвоение некоторых знаний, некоторого опыта» индивида [Бурдьё 2007, с. 32]. Сначала социальные порядки усваиваются индивидом в процессе интериоризации, а впоследствии воспроизводятся в его практиках, формируя габитус. Применительно к мобильности П. Бурдьё называет этот процесс социальной инерцией, которая выражается «<...> в диспозициях, которыми они [люди – прим. авторов] обязаны своему происхождению и своей траектории, и которые подразумевают тенденцию к сохранению способа существования и, следовательно, вероятной траектории» [Bourdieu 1996, p. 10].

Другая влиятельная концепция Path Dependency, предложенная американцем Полом Дэвидом [David 1985], также позволяет глубже исследовать смысл понятия «траектория» и присущую ей устойчивость. Под Path Dependency в отечественной литературе принято понимать зависимость от предшествующего развития. Однако российские исследователи Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов справедливо указывают на опасность такого упрощения: «<...> все в мире зависит от прошлого в том смысле, что ничто не возникает из ничего. Смысл теории Path Dependency в том, что возможности выбора, который делается “здесь и сейчас”, жестко детерминированы выбором, сделанным “где-то и когда-то раньше”» [Нуреев, Латов 2005, с. 288]. Российский экономист А.А. Аузан называет этот феномен «эффектом колеи», сравнивая его с гравитацией, удерживающей актора на определенной траектории [Аузан 2015, с. 5].

Российский социолог В.И. Ильин предлагает использовать термин «колея» для понимания «<...> механизма структурного принуждения к выбору определенной жизненной траектории, укорененного, с одной стороны, в конфигурациях социального пространства, а с другой – в адекватном ему габитусе» [Ильин 2015, с. 516–517]. Он считает, что «<...> продолжительная работа по определенной специальности формирует профессиональный габитус» [Ильин, 2015 с. 520], «<...> принуждающий индивида к лояльности своей профессии, ограничивающий его горизонтальную профессиональную мобильность» [Ильин 2015, с. 524].

Подводя итог этому обзору, заметим, что профессия и опыт (жизненная колея), формируя габитус, способны оказывать существенное влияние на последующую деятельность акторов, которые, войдя во власть, формируют политические нарративы, транслируют собственные представления о должном и лучшем на все общество. Следовательно, изучение профессиональных траекторий имеет важное значение не только для решения прикладных задач, но и для возможного прогнозирования политических трендов ближайшего будущего.

Исследование

Подход, изложенный в данной статье, основывается на простой идее: чтобы понять роль профессиональной карьеры в процессе восходящей мобильности, надо изучить биографии тех людей, которые уже занимают высокие государственные посты, и проанализировать их опыт. Для классификации профессионального бэкграунда российского истеблишмента мы использовали биографические данные политиков федерального, регионального и муниципального уровней власти. Всего для исследования было отобрано 800 чел.

Поскольку задачи исследования предполагали изучение действующих каналов мобильности, ведущих в политическую систему, при конструировании выборки мы отбирали респондентов, родившихся после 1970 г., то есть поколения X, Y и Z (по классификации Штрауса-Хау [Strauss, Howe 1991]). Такой выбор связан с тем, что представители более старших поколений истеблишмента проходили профессиональную социализацию еще в советский период, но после распада СССР большинство существовавших тогда социальных лифтов были демонтированы.

Выборка была стратифицирована. На первом уровне были отобраны 300 политиков федерального уровня, 145 из которых – представители бюрократии,

а 155 – электократии. Для исполнительной власти были отобраны вице-премьеры правительства РФ, министры и руководители федеральных ведомств, их заместители, руководящие лица Администрации Президента РФ. Во вторую категорию вошли депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

На региональном уровне были проанализированы 400 биографий политиков. Мы конструировали выборку таким образом, чтобы в нее были включены политики, представляющие все типы административных единиц и восемь федеральных округов Российской Федерации. В итоге в нее вошли официалы пяти республик (Карачаево-Черкессии, Саха, Татарстана, Удмуртии, Чечни), пяти областей (Астраханской, Воронежской, Ленинградской, Тюменской, Калининградской), двух краев (Красноярского и Хабаровского), а также Еврейской автономной области и Ханты-Мансийского автономного округа. Из них 173 представителя исполнительной ветви власти (главы субъектов Федерации, их заместители и члены региональных правительств), а 227 политиков являлись на момент исследования депутатами региональных законодательных собраний. В выборку муниципального уровня вошли 100 чел., занимающих должности глав городов и муниципальных образований.

Источниками биографической информации являлись официальные сайты органов государственной власти², региональных администраций и парламентов, муниципалитетов, в некоторых случаях политических партий. В исследовании использовались исключительно открытые источники. Вся биографическая информация была формализована, закодирована и введена в базу данных, созданную в программе MS Excel, которая в дальнейшем обрабатывалась в IBM SPSS Statistics.

Траектории входа в элиту: от суперпрофессионалов к «нулевым специалистам»

Анализ биографий 800 элитариев позволяет нам выделить три типа карьерных траекторий. Основанием для классификации стал уровень должности, с которой человек совершил вход в систему государственного управления. Инкорпорация во власть могла быть произведена и на ее нижние этажи, с которых осуществлялось дальнейшее развитие карьеры уже внутри административных и законодательных структур. Однако наш исследовательский интерес был сосредоточен только на карьерном опыте, предшествующем *первому* назначению на должность внутри политической системы – поиску профессиональных групп и закономерностей, способствующих началу политической карьеры в разных ветвях и уровнях власти. В итоге было выделено три группы.

Первая группа «Высокий вход». Эта категория объединила людей, которые добились максимальных успехов в своей основной профессии. Это первые лица организаций и их заместители, дошедшие до «потолка» карьерной лестницы: например, врач, прошедший все квалификационные этажи в медицине, наконец занял пост главного врача больницы. Для учителя таким «потолком» будет позиция директора школы, для инженера – позиция директора завода, конструкторского

---

² Сервер органов государственной власти России // <http://www.gov.ru/>, дата обращения 08.06.2024 г.

бюро или объединения. Дальнейшее развитие карьеры для таких специалистов связано, как правило, с переходом в политику (избрание депутатом или переход на работу в правительство); эти люди обладают не только высокой компетенцией, но и имеют обширные связи в своей профессиональной и окол властной среде, а также пользуются уважением в обществе. Для них политическая деятельность становится второй профессией, новым социальным пространством, в котором они получают возможность реализовать свои знания и опыт уже на государственном уровне.

Вторая категория «Средний вход». Сюда мы относим специалистов среднего звена, которые получили опыт работы в базовой профессии, но не достигли там вершин и перешли в политику как бы с «середины пути». Эта группа объединяет тех, кто достиг руководящей должности в структурном подразделении организации, а также рядовых сотрудников.

Третья категория «Низкий вход». Это политики, которые не получили никакого профессионального опыта и вошли в органы власти будучи «нулевыми специалистами». Как правило, они перешли на государственную службу почти сразу после окончания вуза или были избраны в парламент благодаря своей общественной, но не профессиональной деятельности. Для них государственное управление, по сути, стало основной профессией, и их профессиональная колея изначально формировалась в недрах политической системы.

Конечно, как и всякая классификация, наша страдает некоторой неполнотой и имеет ограничения. Существуют, например, заслуженные учителя с многолетним стажем работы, которые не стали директорами школ. Есть и выпускники вузов, которые сразу занимали высокие должности в организациях, не успев приобрести опыт. Однако такие случаи имеют единичный характер.

Отдельную сложность представляла иерархия не только профессиональных статусов, но и самих организаций, ставших поставщиками кадров в элиту. Кто добился более значимых успехов в профессии – генеральный директор небольшой компании или руководитель среднего звена крупной государственной корпорации? Для смягчения этого противоречия при определении «высокого входа» среди представителей бизнес-структур нами были учтены только организации-драйверы³, опыт работы в которых перед переходом в структуры власти характерен для наибольшего количества действующих элитариев, что позволило нам отфильтровать небольшие частные предприятия.

На *рисунке 1* представлено распределение отобранной нами совокупности политиков по вышеописанным категориям в зависимости от уровня и ветви власти. Профессиональный опыт до получения должности в органах власти имели 78,1% политиков. Представителей первой группы «высокий вход» и второй «средний вход» – 39,0 и 39,1% соответственно. При этом люди «высокого входа» с наиболее сформированной профессиональной колеей преобладают в парламентах разного уровня: там их количество приближается к 50%. Это можно объяснить выборным характером их статуса, поскольку источником власти здесь становятся голоса избирателей, по результатам подсчета которых кандидат наделяется властными полномочиями. Лидер общественного мнения имеет больше шансов избраться, чем и пользуются политические партии, привлекая в свои ряды прежде всего авторитетных и известных людей.

³ Подробнее [Лавров 2023].

Для исполнительной ветви власти примечательным является другой процесс. Бюрократическая модель предполагает наличие иерархии должностей, в которой источником власти становится ее делегирование нижестоящим чиновникам, и здесь оценка компетенций носит закрытый характер. У чиновника нет нужды в публичности для повышения своих шансов занять вакансию, напротив, она ему мешает. Как писал М. Вебер, чиновник, являясь носителем власти «<...> никогда не осуществляет ее от своего лица, а всегда от имени безликого учреждения» [Вебер 1994, с. 67]. То есть чиновник – это аноним, в отличие от публичного политика, который нуждается в общественном признании и популярности. По результатам нашего исследования мы выделили следующие характерные тренды. Безусловно, инкорпорация высокопрофессиональных специалистов остается преобладающим форматом рекрутации, но в случае бюрократии мы обнаруживаем значительное увеличение доли людей, поступивших на государственную службу сразу после окончания вуза, достигающую 23,4% на федеральном уровне власти. По нашему мнению, эта тенденция может свидетельствовать о следующем. Во-первых, в современной России сформирована система подготовки государственных служащих – программы кадрового резерва, специальные направления РАНХиГС, конкурсные отборы АНО «Россия – страна возможностей» и прочие, которые способны обеспечить приток на госслужбу достаточно подготовленных и лояльных людей. Эта система, по сути, не нуждается в суперпрофессионалах. Во-вторых, государство начинает отдавать предпочтение людям, чей профессиональный габитус сформирован внутри политической системы, то есть профессиональным чиновникам.

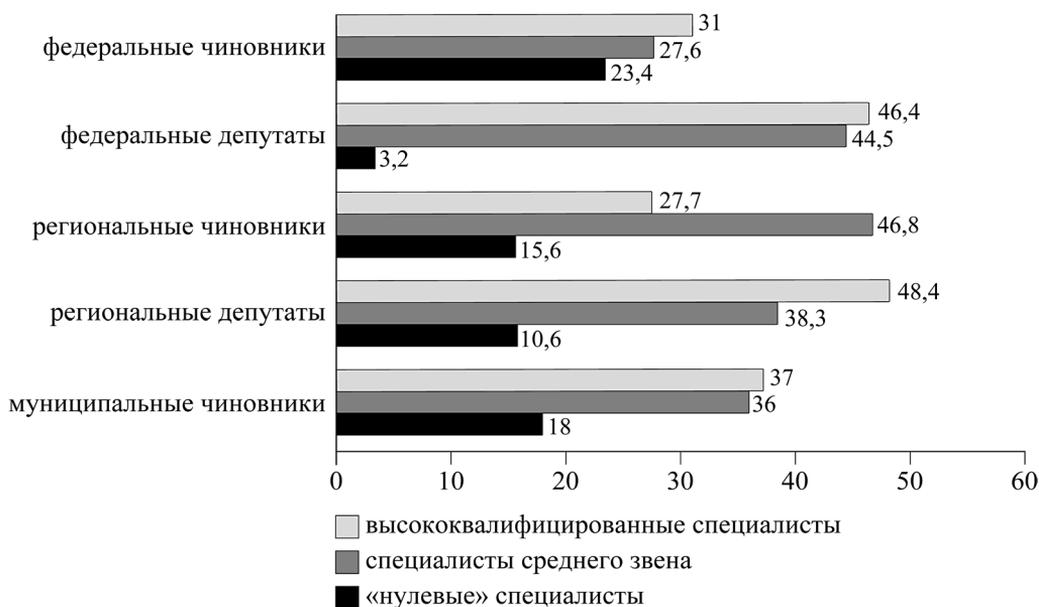

Рисунок 1. Тип карьерной траектории российских политиков до получения должности в системе власти, %

Это демонстрирует приоритет универсальных и проверенных специалистов, которых нет необходимости адаптировать к работе в органах власти. Они знают и соблюдают формальные и неформальные правила, обладают широкой сетью социальных связей внутри системы, способны одинаково эффективно работать в разных управленческих ипостасях – и в министерстве науки, и в министерстве финансов, и на посту губернатора.

Однако в этом случае возникает другая проблема: общество, обнаруживая на вершине власти таких управленцев, отказывает им в доверии, так как они не соответствуют сложившимся представлениям о том, что элита состоит из лучших, то есть самых высокопрофессиональных и самых высокоморальных. Такие профессиональные чиновники удобны для государственной машины, но создают проблемы с легитимностью всей политической сферы.

Доминирующие профессии для входа в политическую элиту

Торстейн Веблен в своей книге «Теория праздного класса» излагает концепцию, согласно которой все *экономические занятия* можно разделить на две категории: «<...> финансовые занятия», связанные «<...> с обладанием собственностью или с приобретением собственности» [Веблен 2016, с. 231] и производственные. Интересы работающих классов взаимодействуют с производственной сферой, а вот доступ в высший «праздничный» класс дают только занятия финансами. То же справедливо и для других сфер деятельности: чем «ближе к земле», к непосредственному производству товаров и услуг, чем более прикладной характер имеет профессия, тем дальше она от вершины социальной иерархии.

Эта логика отчасти пересекается с российской реальностью. Экономисты являются востребованными профессионалами как в парламентах, так и в бюрократических структурах, так как они отвечают за расчет бюджетов и контроль их исполнения, координируют финансовые потоки и отчитываются о них. Такие специалисты нужны и в профильных экономических комитетах Государственной Думы и Совета Федерации, в министерствах экономического блока правительства. Кроме того, практически в каждом ведомстве имеется один из заместителей руководителя, который отвечает за финансы.

Известен и другой факт: юристы многие годы были основной профессиональной группой в американском Конгрессе. Ник Робинсон, занимаясь анализом состава парламента США, отмечал, что особую роль для формирования американской элиты играла профессия юриста. Их взлет приходился на середину XIX в., когда удельный вес юристов в Конгрессе достиг 80% [Robinson 2017]. По состоянию на 2020 г. юридическое образование имеют лишь 36,6% членов Палаты представителей и 53,0% сенаторов Конгресса США. Снижалась роль юристов и в парламентах европейских стран: по результатам анализа составов законодательных органов 19 европейских стран Генрих Бест заключает, что их доля снизилась до 7% в современных созывах, в то время как в XIX в. достигала 20% [Best 2007, p. 98]. Выше них располагались учителя и профессора вузов – 16%, бизнесмены и предприниматели – 13%, а вот доля «синих воротничков» – заводских инженеров и рабочих оценивается лишь в 3% [Best 2007, pp. 99–101]. В китайской политической

элите, по результатам исследования Ч. Ли, наблюдается обратный тренд: так, в первом десятилетии XXI в. доля «синих воротничков» в Политбюро ЦК КПК 16-го созыва достигала 75%, а в 17-м созыве снизилась до 40%, а их места заняли профессиональные юристы и предприниматели из государственных компаний [Li 2009, pp. 17–20]. К. Шмидт, исследуя каналы рекрутирования политической элиты в Японии, установил, что подавляющая часть бюрократии имеет «закрытую карьеру» внутри исполнительной ветви власти (91,7%), поступая на государственную службу сразу после окончания одного из элитарных университетов (в основном Тодай), а для электократии наиболее характерным является предшествующий опыт в бизнесе (29,2%) [Schmidt 2005, p. 53].

А какие профессии образуют современный российский политический класс?

Инженеры

На рисунке 2 приведены данные нашего исследования, демонстрирующие, что для российского истеблишмента юристы и экономисты играют весьма важную роль. Но все же советская традиция черпать кадры для госслужбы из числа инженерно-технических специалистов до сих пор превалирует.

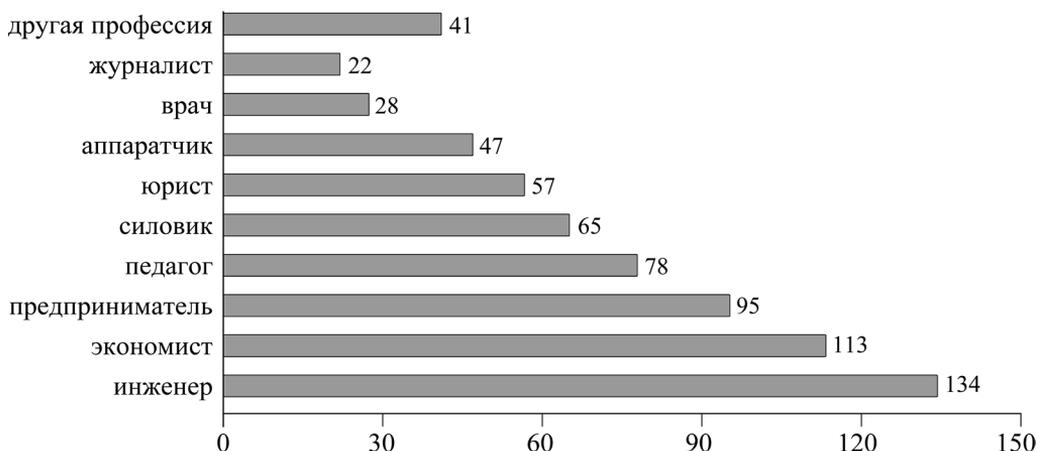

Рисунок 2. Профессиональная сфера деятельности российских политиков до инкорпорации в органы власти, чел.

В своих предыдущих работах мы писали о том, что техническая интеллигенция в СССР была основным резервом пополнения всех этажей власти [Крыштановская 1989]. Правда, сегодня это уже не заводские ИТР, а инженеры, работающие в сфере городского строительства и жилищно-коммунального хозяйства, однако они заполняют прежде всего региональные и муниципальные этажи власти. По данным нашего исследования, на региональном уровне остается 36,0%,

а на локальном – 18,0% инженеров, переходящих во властные структуры (*таблица 1*). Доля инженеров, пробивающихся на федеральный уровень, значительно ниже – всего 8,7%, и здесь преобладают специалисты не столько из сферы ЖКХ, сколько из высокотехнологичных компаний, программисты. Вероятно, это связано с характером задач, которым уделяется внимание на разных уровнях власти. На региональном и в особенности на муниципальном уровнях управленческие функции носят локальный характер. Важную роль в их структуре занимают обеспечение комплексного развития территорий, социальной инфраструктуры и прочее. В связи с этим специалисты, обладающие соответствующим опытом и сетью социальных связей для решения этих задач (в основном представители сферы ЖКХ [Юшкина 2020, с. 34]), имеют более высокие «жизненные шансы»⁴ на успешную политическую карьеру в провинции.

Таблица 1. Характер основной профессиональной деятельности до получения должности в политической системе в зависимости от уровня и ветви власти, %

Основная профессия	Федеральный уровень		Региональный уровень		Муниципальный уровень	
	Чиновник	Депутат	Чиновник	Депутат	Чиновник	
Инженер (n=134)	10,3	7,1	16,8	19,0	36,0	
Экономист (n=113)	20,7	14,8	19,1	9,2	6,0	
Предприниматель (n=95)	1,4	9,7	5,8	23,8	14,0	
Педагог (n=78)	9,0	9,0	9,8	11,4	8,0	
Силовик (n=65)	9,0	8,4	11,0	4,8	9,0	
Юрист (n=57)	11,7	7,7	7,5	5,3	3,0	
Аппаратчик (n=47)	0,0	14,8	2,9	8,4	0,0	
Врач (n=28)	0,7	4,5	6,9	3,1	1,0	
Журналист (n=22)	2,1	9,7	0,6	0,9	1,0	
Другие профессии (n=41)	7,6	11,0	2,3	3,5	1,0	
Нет профессионального опыта (n=108)	23,4	3,3	15,6	10,6	18,0	
Нет информации о профессиональной деятельности (n=12)	4,1	0,0	1,7	0,0	3,0	
Всего	чел.	145	155	173	227	100
	%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

⁴ Термин М. Вебера [Вебер 2017].

Несмотря на актуальный запрос государства на программистов, разработчиков новых технологий, доля бывших инженеров в истеблишменте все-таки постепенно сокращается и является скорее эхом советской эпохи. Форсированная индустриализация и наращивание промышленного производства, в немалой степени повлиявшие на профессиональный состав Верховного Совета СССР, постепенно утрачивали свое значение. Даже на сломе эпох, в 1990 г., из 1068 избранных депутатов Верховного Совета РСФСР 423 были инженерами (39,6%) [Крыштановская 2005, с. 62]. Сейчас же их среди российских политиков – 16,8%. При этом среди когорты рожденных в 1950–1960-е гг. их насчитывается 31,6%, среди рожденных в 1970-е – уже 15,8%, а в наиболее молодой группе рожденных после 1980-х включительно – 13,4%.

Экономисты

Политики, имеющие специальность экономистов, занимают второе место в рейтинге профессий-поставщиков. Наибольшая их концентрация наблюдается на федеральном уровне власти (17,7%), достигая 20,7% в исполнительных органах. На региональном уровне их меньше – 13,5%, а на муниципальном они составляют совсем небольшую группу (6,0%).

Востребованность экономистов определяется выполнением важных государственных функций, связанных с формированием бюджета, реализацией денежно-кредитной и налоговой политики, осуществлением национальных проектов и прочих. Но есть и другие факторы, способствующие успеху профессиональных экономистов и финансистов во власти: это их связь с крупными бизнес-структурами, которые продвигают своих людей на важные посты. Такими организациями-драйверами карьеры являются госкорпорации (прежде всего Газпром), крупные банки (ВТБ, Сбер, Россельхозбанк, Альфа-банк). Эти влиятельные компании обладают достаточными ресурсами (как финансовыми, так и лоббистскими) для того, чтобы постоянно наращивать свое представительство в органах власти. Их успех в продвижении кадров во власть в свою очередь повышает их влияние и социальный капитал.

Изучая карьеры молодых политиков, к схожим выводам приходит и российский политолог И.С. Палитай, подчеркивающий аффилированность власти «<...> с крупными корпоративными игроками, из-за чего усиливается роль патрон-клиентных отношений» [Палитай 2020, с. 113].

Экономисты сегодня являются универсальными специалистами, которые могут проникать на любые этажи власти и в ее самые разнообразные сегменты – от экономических комитетов Государственной Думы до министерств и ведомств любого профиля: так, традиционно социальной политикой правительства занимаются профессиональные экономисты (в разные периоды – Т.А. Голикова, А.О. Котяков). Особенно много экономистов занимают посты заместителей министров, курируя финансовые потоки ведомства. Сегодня экономисты – лидирующая профессиональная группа как в бюрократии, так и в электократии на федеральном и региональном уровнях, и только среди муниципального чиновничества они уступают инженерам.

Предприниматели

Третье место среди российского истеблишмента занимают люди с предпринимательским опытом (11,9%). Их основной ареал обитания – региональные законодательные органы (23,8%). Располагая существенными финансовыми ресурсами, они имеют возможность проводить успешные избирательные кампании; они зачастую являются основными работодателями и налогоплательщиками своего региона, что наделяет их и значительным административным ресурсом. При этом собственные обоймы в ключевых комитетах законодательных собраний регионов позволяют участвовать в законодательном процессе в интересах своей компании.

Команда социологов из Санкт-Петербурга под руководством А.В. Дуки получила схожие результаты исследований, позволяющие утверждать, что «<...> интерес бизнеса к депутатскому мандату не ограничивается материальной, лоббистской составляющей, существенную роль играют и другие мотивы, в частности соображения престижа и статуса, стремление к самореализации и пр.» [Даугавет и др. 2016, с. 165]. Способствует высокому интересу бизнеса к законодательным органам также и то, что во многих субъектах Российской Федерации возможно совмещение статуса депутата с основной профессиональной деятельностью⁵.

Один из ведущих социологов, работающих над этими вопросами, Д.Б. Тев пишет, что предпринимательство является относительно новым социальным лифтом во власть, будучи фактически незаконным до 1986 г⁶. Согласно его данным, корни федеральной экономической бюрократии уходят в толщу бизнеса [Тев 2022а, с. 125–126]. На региональной уровне «<...> бизнес является поставщиком большего количества региональных чиновников, чем все остальные источники “внешнего” рекрутирования вместе взятые» [Тев 2022б, с. 164]. Д.Б. Тев подчеркивает плутократический тип рекрутирования чиновников, который стал доминировать в последнее десятилетие в нашей стране особенно в экономическом блоке правительства. Об этой тенденции ранее писал Стивен Фортеस्कью, который утверждал, что патримониальные связи между бизнесом и властью преобладают в российской политической практике [Fortescue 2020], образуя олигархии.

Венгерские авторы Б. Мадьяр и Б. Мадлович иронично называют группы близких к власти бизнесменов «придворными поставщиками», подчеркивая, что они наряду со «служилыми дворянами» образуют типические околоставные образования, характерные для всех посткоммунистических режимов [Мадьяр, Мадлович 2022].

Педагоги

Другой крупной профессиональной группой, представители которой свободно рассредоточиваются по политическому полю, выступают педагоги. В эту группу

⁵ Федеральный закон № 414-ФЗ от 21.12.2021 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (2021) // Consultant.ru. 21 декабря 2021 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/, дата обращения 07.06.2024 г.

⁶ Частная предпринимательская деятельность стала допустимой в ограниченных сферах согласно Закону СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» от 19 ноября 1986 г. № 6050-XI (1986) // Кодекс // <https://docs.cntd.ru/document/9024308>, дата обращения 07.06.2024 г.

входят различные работники сферы образования (школьные учителя, преподаватели средних специальных и высших учебных заведений), и в исследованной совокупности они составляют 9,8%. Они достаточно равномерно распределены по всем уровням и ветвям власти. Гендерный состав этой профессиональной группы ассиметричен: для женщин работа в образовательных учреждениях является первостепенным лифтом в политические структуры; эта профессиональная колея характерна для 22,2% женщин, а среди мужчин учителей и преподавателей – лишь 7,4%. Педагоги традиционно играют важную роль в политическом процессе России: в их задачи входит не только передача знаний, но и воспитание молодого поколения, «разговоры о важном», объясняющие основы государственной политики. Кроме того, школы остаются местом проведения выборов, и территориальные избирательные комиссии состоят во многом из учителей.

На вершину профессии приходят те специалисты, которые выстраивают отношения с управляющими органами в сфере образования, где лояльность следует считать не последней добродетелью. Бэкграундом педагога характеризуется каждый десятый чиновник и депутат как федерального, так и регионального, и местного уровня власти.

Силовики

Профессиональный габитус выходцев из различных силовых структур заслуживает отдельного внимания. В общей совокупности исследуемых они составляют 8,1%. Максимальной концентрации специалисты с опытом работы в правоохранительной системе достигают на уровне региональной бюрократии, но их не мало среди депутатского корпуса. Их компетенция востребована во всех структурах власти, которые заняты обеспечением безопасности государства. Среди группы таких специалистов, которых теперь принято называть обобщенным термином «силовики», выделяются представители полиции, которые составляют большинство.

На втором месте идут представители спецслужб, на третьем – армейские офицеры. Функция этих специалистов – не только прямое обеспечение безопасности, но и обеспечение контроля и надзора. Реализация обозначенных задач внутри политической системы оказывается не менее важной, чем за ее пределами, о чем свидетельствует значительная доля «милитократов»⁷ в экономическом и социальном секторах управления. Они проходили профессионализацию в структурах, построенных по иерархическому принципу; их опыт формировался в условиях закрытых систем, где царит единоначалие, а не плюрализм мнений. Идеологической базой их мировоззрения является, как правило, консерватизм, основанный на патриотизме и антиглобализме [Крыштановская 2020]. В начале 2000-х гг. наблюдался стремительный рост численности этой профессиональной группы в истеблишменте, но постепенно этот тренд угасал, так как кроме «охранителей» для функционирования государства требуются и иные специалисты.

---

⁷ Термин О.В. Крыштановской [Крыштановская 2002].

Другие профессии

Еще одними массовыми профессиями-поставщиками кадров в элиту являются *юристы*, сотрудники аппаратов государственных ведомств и политических партий, врачи и журналисты. Как мы уже говорили выше, юристы во многих странах представляют собой костяк истеблишмента, но в российской политической практике их место гораздо скромнее. Представители этой профессии работают главным образом в федеральной бюрократии (11,7%), среди остальных групп правящей элиты их процент колеблется от 3,0% (среди мэров городов) до 7,7% в Федеральном Собрании РФ. Их основная функция – подготовка законодательных и нормативных актов, и она востребована не только легислатурами. То, что в российской системе власти превалируют экономисты, а не юристы, можно считать ее характерной особенностью, указывающей на место закона и в целом принципа «Rule of law» в политической практике. Люди, умеющие составлять бюджет, надзирать за его исполнением, контролировать финансовые потоки в данный момент важнее тех, кто устанавливает правила игры.

Еще одна из важных профессиональных групп для власти – *врачи*, которые составляют 3,5% элитариев, которые трудятся в региональных администрациях (6,9%) и в федеральном парламенте (4,5%). В эту группу попадают влиятельные главные врачи и администраторы крупных медицинских учреждений, которые пользуются авторитетом в обществе, но, помимо того, представляют вполне утилитарный интерес для руководства, которое включает этих медиков в список «нужных людей».

Другой категорией, получившей большое влияние в последние годы, следует считать *журналистов*; также во власть попадают не просто «золотые перья» профессии, а люди, которые администрируют крупнейшие средства массовой информации, или спичрайтеры, готовящие речи и тексты для первых лиц (об этом писал еще М. Вебер [Вебер 2018]). Их инкорпорация во власть составляет сегодня 2,8%, причем успешнее всего они проявляют себя в избирательных кампаниях, что обеспечивает им места в парламенте (журналистов в обеих палатах Федерального Собрания РФ – 9,7%).

Глубинное государство и аппаратчики

Особой профессиональной группой, образующей истеблишмент, являются *аппаратчики*, под которыми в данном случае мы понимаем сотрудников секретариатов и аппаратов федеральных органов власти, парламентов и политических партий. Это разного рода помощники, руководители рабочих групп, внутренних департаментов, обеспечивающих ежедневное функционирование всей государственной машины и отвечающих за преемственность при завершении каденции. По сути, это часть так называемого глубинного государства (*deep state*), которое обычно трактуют как стабильную часть бюрократии и секретных подразделений (спецслужб), не зависящих от выборов и перемен, вызванных ими [Jessop 2015]. М. Вебер называл эту группу «профессиональными политиками» [Вебер 2018],

С. Фортескью – «профессиональными бюрократами» [Fortescue 2020], а Б. Мадьяр и Б. Мадлович – «служилыми дворянами» [Мадьяр, Мадлович 2022]. Мы же будем использовать термин «аппаратчик», понимая, что это статус иного рода, чем обычная профессия, которой учат в университете.

По сравнению с другими профессиями, вузовская подготовка аппаратчиков может быть любой, но опыт работы в недрах государственных администраций обязателен, и именно он формирует их габитус, делая незаменимыми «винтиками» системы. П. Бурдые писал: «<...> аппарат дает все <...> тем, кто также отдает ему все и ждет от него всего, потому что вне аппарата такие люди не имеют ничего или почти ничего» [Бурдые 1993, с. 236–237]. Поэтому люди аппаратов часто воспринимаются аутсайдерами системы как надежные посредственности, «<...> которые сами по себе не представляют никакой ценности» [Бурдые 1993, с. 255–257].

По данным нашего исследования, специалисты с опытом работы в аппаратах составляют сегодня 5,9%, причем наивысшая концентрация аппаратчиков наблюдается в Федеральном Собрании России (14,8%). На первый взгляд это представляется нелогичным, поскольку парламентская трибуна дает возможность проявить себя людям ярким, стремящимся к узнаваемости, обладающим харизмой и темпераментом публичного спикера, работа в аппаратах, напротив, подразумевает тихую скромность и анонимность. Ведь те, кто готовит документы руководителям, отказываются и от своего авторства в пользу ведомства, и от своего имени перед публикой. Но логика тут заключается в ином взгляде на власть, или, как писал П. Бурдые, «<...> аппарат дает все (в том числе и власть над самим аппаратом)» [Бурдые 1993, с. 236–237]. Участвуя в повседневной жизни руководства, ежедневно обеспечивая документооборот и делопроизводство, аппаратчики становятся настолько близки к власти, как супруга близка к своему суженому, постоянно готова ему еду и обеспечивая быт. Эта близость рождает доверие и признательность, которые затем выражаются в «даре», например, должности или депутатском мандате. Аппаратчик, верно служа глубинному государству, иногда «выныривает» на политическую поверхность, становясь парламентарием.

Tabula rasa⁸

Теорию о том, что политика является мета-профессией, абсорбирующей сверхпрофессионалов из социума, разбивается данными нашего исследования. Мы видим, что 13,5% людей пришли на государственную службу, не приобретя никакого профессионального опыта. Они закончили различные вузы и были инкорпорированы в систему власти «нулевыми специалистами», и все их становление происходило уже внутри государственного здания. Причем часть из них шла по траектории закрытой карьеры внутри одного ведомства, а часть – совершала переходы, приобретая самый разнообразный опыт и становясь профессиональным управленцем чего угодно.

Закрытый тип карьеры более всего характерен для тех, кто, будучи «нулевым специалистом», пришел на работу в систему МВД или налоговой службы, иногда в министерство финансов и прочее. Как писал М. Рэфф, «<...> специализа-

---

⁸ Чистый лист (лат.).

ция была особенно значительной в таких министерствах, как министерство финансов и внутренних дел, и в судебных органах» [Raeff 1984, pp. 41–47]. Карьерный рост такого человека связан с постепенным продвижением внутри туннеля этого ведомства, и это движение скорее напоминает плавное скольжение вверх по эскалатору, чем вертикальный подъем на лифте. Примером такого рода карьеры может послужить биография А.Г. Силуанова, который всю жизнь проработал в министерстве финансов и дослужился до поста министра. Другой пример – В.А. Колокольцев, поступивший на работу в органы внутренних дел в 1982 г., не менявший сферу занятости, проработавший в системе МВД 20 лет, в 2012 г. был назначен министром. Опыт таких людей ограничен одним ведомством, их кругозор сужен, но они, оставаясь узкими специалистами в своей профессии, обладают уникальными знаниями и связями внутри системы.

Открытый тип карьеры «нулевого специалиста» характерен для частых скачков от одной сферы деятельности к другой, и такие люди часто объясняют свою «депрофессионализацию» умением руководить любыми процессами. Вспоминается цитата из кинофильма «Москва слезам не верит» режиссера В.В. Меньшова, главная героиня которого говорит, что главное – научиться руководить тремя сотрудниками, а дальше число подчиненных уже не имеет значения. Иными словами, принципиальным представляется вопрос «сколько у тебя подчиненных», а не чем именно руководить. Открытый тип карьеры был характерен и для советского периода, когда партийного или комсомольского функционера могли «бросить» на любой сложный участок работы. «Партия сказала “надо”, комсомол ответил “есть!”» – этот принцип, сформулированный когда-то молодыми карьеристами из ВЛКСМ, жив и поныне. И в наше время мы встречаем успешных политиков, которые, получив экономическое образование, поработали сначала в администрации регионального уровня, в дальнейшем были переведены на работу начальниками управлений одного федерального ведомства, затем заместителями министра другого, и достигли министерского поста третьего ведомства. Иногда такие скачки связаны с переходами между правительственными структурами, администрацией президента и губернаторством.

Больше всего «нулевых специалистов» работает в федеральной (23,4%) и региональной (15,6%) бюрократии. Это основная карьерная траектория для женщин («нулевых специалистов» среди всех женщин 19,0%), которые после окончания вуза сразу были взяты на низшие позиции госслужбы в правительственные структуры.

Многообразие каналов мобильности и комплексность системы рекрутации политических кадров приводят к противоречиям в общественном мнении. Гражданин, желая видеть наверху самых профессиональных и опытных людей, теряется в оценке того, кого же считать настоящим профессионалом – того, кто прошел весь путь профессионального становления в своей сфере, или того, у кого больше дипломов о профессиональной переподготовке в рамках государственного и муниципального управления и публичной политики? Или «практика», который имеет опыт руководства реальным производством, вне зависимости от дипломов?

Мы полагаем, что общество более склонно признавать профессиональные заслуги политиков, добившихся максимальных успехов в первичной профессии: когда известный врач возглавил министерство здравоохранения, или уважаемый бизнесмен из списка Forbes стал руководить российской промышленностью.

Такие понятные назначения вызывают доверие, ибо они основаны на институте репутации: сначала заслуживают авторитет у коллег и общества в каком-то конкретном деле, а затем уже претендуют на ключевой государственный пост.

Заключение

Так что же такое профессия политика? Является ли она обычной профессией, как и другие? Или это мета-профессия, куда приходят люди, состоявшие как специалисты в своем первом поприще? Функционирующая сложная и разветвленная система поиска, отбора и подготовки кадров для власти не позволяет дать точного ответа на этот вопрос. Мы видим разные процессы, которые можно свести к нескольким основным особенностям:

- 1. Траектории входа в политическую систему.** Мы обнаружили три типа входов: «высокий», «средний» и «низкий». «Высокий вход» в систему сразу на ключевые посты совершают представители профессиональной элиты. Такую траекторию имеют специалисты высшего ранга, добившиеся признания и административных постов в первой профессии, и только достигнув потолка в своем деле, они переходят на государственную работу. Вторая группа – специалисты среднего уровня, которые получили некий опыт, но не достигли высот профессии. Их переход совершается, как правило, на средние позиции. Третий тип перехода – «низкий», так приходят в сферу политики «нулевые специалисты» без опыта работы где бы то ни было. Их профессионализация происходит уже внутри системы.
- 2. Доминирующими профессиями,** наиболее востребованными на государственной службе, являются инженеры, экономисты, предприниматели, педагоги, юристы, врачи и журналисты.
- 3. Лифты и «эскалаторы».** Мы обнаружили, что вход в систему власти для сверхпрофессионалов и для «нулевых специалистов» происходит по-разному: первые переходят в политику, пробив потолок своей основной специальности, и социальный лифт поднимает их сразу на высокий этаж политической системы. Но есть молодые специалисты, которые начинают свою профессионализацию не вне, а внутри государственных структур; часто их карьера имеет закрытый, герметичный характер. Такой путь карьерной траектории мы называем «эскалатором», который движется плавно и постепенно в туннеле одной организации.
- 4. Для высококвалифицированных специалистов политика представляется мета-профессией,** так как прерывает поступательное развитие их базового трека. Они уже достигли многого, их габитус сформирован богатым предыдущим опытом. Власть, приглашая их присоединиться к политической элите, присовокупляет их авторитет и тем самым умножает свой собственный капитал. Поэтому государство заинтересовано в приглашении таких профессионалов и широко использует их.
- 5. Политика – обычная профессия** для тех людей, которые имеют «низкий старт» и формируются уже внутри системы. По сути, государственное управление и есть их профессия: здесь они работали, набирались опыта,

обрастали связями. Именно эту категорию людей можно назвать «профессиональными бюрократами», взращенными истэблишментом для своего пополнения. На наш взгляд, они и составляют основу глубинного государства.

6. Политические лакуны для профи. Анализ сотен биографий элитариев демонстрирует, что в системе государства есть зоны, которые всегда занимают высокопрофессиональные люди. Они работают в медицине, связаны с финансами, правоохранительной системой и спецслужбами. Большинство же кабинетов в государственном здании не подразумевают жестких профессиональных требований к кандидатам. Эти места, как правило, занимаются профессиональными бюрократами, выросшими в системе, или аппаратчиками, специальность которых управлять людьми и процессами безразлично в какой сфере.

Как показывают социологические исследования, на протяжении уже многих лет общество высказывает недовольство существующей элитой, обвиняя ее в коррупции, некомпетентности, nepотизме, клановости и т. п. Это серьезная социальная проблема, которая имеет множество последствий. Наше исследование показало, что именно непрозрачный для обывателя тип карьеры руководителей в недрах бюрократической системы вызывает напряжение в обществе. Граждане хотят видеть на управленческих должностях людей самых уважаемых, заслуженных, высокопрофессиональных, с большим управленческим опытом, пользующихся авторитетом в той отрасли и на той территории, где они формировались и росли. Прагматичного отношения общественного мнения к тому, какие именно специалисты должны присутствовать на политическом Олимпе, социологи не фиксируют. Напротив, мы видим «разброд и шатания» людей, которые никогда не задумывались о том, какой именно должна быть элита нашей страны. Вопрос «если эта элита не идеальна, то какой она должна быть?» чаще всего остается без ответа⁹. В рационализации подхода к формированию высших страт нуждается все российское общество. Трибун и харизматичный лидер или инженер и опытный юрист? Без ответа на эти вопросы, без их обсуждения общественный консенсус вряд ли возможен. Поэтому мы пытаемся осмыслить сложившуюся ситуацию, оптимизировать информирование граждан о принципах формирования новой элиты, которая способна привести страну к процветанию.

Список источников

- Аузан А.А. (2015) «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 1. С. 3–17 // <https://www.econ.msu.ru/science/economics/archive/2015/1/>, дата обращения 20.10.2024.
- Бурдые П. (1993) Социология политики. М.: Socio-Logos.
- Бурдые П. (2007) Социология социального пространства. СПб.: Алетейя.
- Вебер М. (1994) Избранное. Образ общества. М.: Юрист.
- Вебер М. (2017) Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: ВШЭ.
- Вебер М. (2018) Политика как призвание и профессия. М.: Рипол-классик.

⁹ В 2023 г. авторами была проведена 21 фокус-группа в 7 городах РФ (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Томск, Волгоград, Ульяновск, Тула), в которых приняло участие 205 респондентов, квотированных по возрастным группам.

- Веблен Т. (2016) Теория праздного класса. М.: Либроком.
- Веблен Т. (2018) Инженеры и ценовая система. М.: ВШЭ.
- Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. (2016) Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал // *Власть и элиты*. № 3. С. 121–186. DOI: 10.31119/pe.2016.3.5
- Ильин В.И. (2015) Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 13. № 4. С. 515–528 // <https://jsps.hse.ru/article/view/3297>, дата обращения 20.10.2024.
- Кампанелла Т. (2021) Город Солнца или рассуждение об идеальном государстве. М.: Амрита.
- Конфуций (2022) Беседы и суждения. М.: АСТ.
- Крыштановская О.В. (1989) Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука.
- Крыштановская О.В. (2002) Режим Путина: либеральная милитократия? // *Pro et Contra*. Т. 7. № 4. С. 158–180 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=21531729>, дата обращения 20.10.2024.
- Крыштановская О.В. (2005) Анатомия российской элиты. М.: Захаров.
- Крыштановская О.В. (2020) Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020–2030 гг. // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. № 5 (102). С. 117–134. DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-117-134
- Лавров И.А. (2023) Институционализация формирования политико-управленческой элиты в современной России. Дисс. ... канд. соц. наук (5.4.4). М.: РГГУ.
- Ленин В.И. (1963) Полное собрание сочинений. Т. 6. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022) Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. Т. 2. М.: НЛЮ.
- Манхейм К. (2010) Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Говорящая книга.
- Маркс К., Энгельс Ф. (2023) Манифест коммунистической партии. М.: Эксмо.
- Мор Т. (2019) Утопия. М.: Эксмо-Пресс.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2005) Институционализм в новой экономической истории // *Институциональная экономика*. М.: ИНФРА-М. С. 242–289.
- Палитай И.С. (2020) Современная российская политическая элита: статусно-ролевой анализ поколений // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. № 5 (102). С. 105–116. DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-105-116
- Платон (2021) Государство. М.: АСТ.
- Сорокин П.А. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат.
- Сорокин П.А. (2005) Социальная мобильность. М.: Academia.
- Тев Д.Б. (2022a) Бизнес как источник рекрутирования высокопоставленных чиновников федеральных экономических министерств России // *Социологическое обозрение*. № 3. С. 104–126. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-104-126
- Тев Д.Б. (2022b) Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. Т. 9. № 2. С. 146–171. DOI: 10.31119/pe.2022.9.2.6
- Токвиль А. (2024) О демократии в Америке. М.: Т8 Rugram.
- Фуко М. (2016) Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Юшкина Н.А. (2020) Профессиональные лифты в политическую элиту России // *Цифровая социология*. Т. 3. № 4. С. 25–35. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-3-4-25-35
- Best H. (2007) New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites // *Comparative Sociology*, vol. 6, no 1–2, pp. 85–113 // https://brill.com/view/journals/coso/6/1-2/article-p85_5.xml?ebody=abstract%2Fexcerpt, дата обращения 20.10.2024.
- Bourdieu P. (1996) *The Rules of Art: The Genesis and Structure of the Literary Field*, California: Stanford University Press.
- Burnham J. (2021) *The Managerial Revolution: What Is Happening in the World*, London: Lume Books.

- David P.A. (1985) Clio and the Economics of QWERTY // *The American Economic Review*, vol. 75, no 2, pp. 332–337 // <https://www.jstor.org/stable/1805621>, дата обращения 20.10.2024.
- Fortescue S. (2020) Russia’s Civil Service: Professional or Patrimonial? Executive Level Officials in Five Federal Ministries // *Post-Soviet Affairs*, vol. 36, no 4, pp. 365–388. DOI: 10.1080/1060586X.2020.1757314
- Jessop B. (2015) *The State: Past, Present, Future*, New York: Polity.
- Li C. (2009) The Chinese Communist Party: Recruiting and Controlling the New Elites // *Journal of Current Chinese Affairs*, vol. 38, no 3, pp. 13–33. DOI: 10.1177/186810260903800302
- Putnam R.D. (1976) *The Comparative Study of Political Elites*, New Jersey: Prentice Hall.
- Raeff M. (1984) *Understanding Imperial Russia*, New York: Columbia University Press.
- Robinson N. (2017) The Decline of the Lawyer Politician // *Buffalo Law Review*, vol. 65, no 4, pp. 657–737 // <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/buffr65&div=24&id=&page=>, дата обращения 20.10.2024.
- Schmidt C. (2005) Japan’s Circle of Power: Legitimacy and Integration of a National Elite // *Asien*, vol. 96, no 2005, pp. 46–67 // https://asien.asienforschung.de/wp-content/uploads/sites/6/2014/04/ASIEN_96_Schmidt_Abstract.pdf, дата обращения 20.10.2024.
- Strauss W., Howe N. (1991) *Generations: The History of America’s Future, 1584 to 2069*, New York: William Morrow Paperbacks.
- Weeden K.A., Grusky D.B. (2005) The Case for a New Class Map // *American Journal of Sociology*, vol. 111, no 1, pp. 141–212. DOI: 10.1086/428815

Professionals in Politics and Professional Politicians

O.V. KRYSHATANOVSKAYA*, I.A. LAVROV**

***Olga V. Kryshatanovskaya** – DSc in Sociology, Director of the Scientific Center of Digital Sociology “Yadov-center”, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; olgakryshat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5278-0940>

****Ivan A. Lavrov** – PhD in Sociology, Deputy Director of the Scientific Center of Digital Sociology “Yadov-center”, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; lavrov.sociology@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3567-4502>

Citation: Kryshatanovskaya O.V., Lavrov I.A. (2025) Professionals in Politics and Professional Politicians. *Mir Rossii*, vol. 34, no 1, pp. 6–30 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-6-30

Abstract

This article explores vertical mobility within Russian politics, addressing two key questions: What professional competencies are relevant for politicians? How are different professional groups represented in the Russian political establishment? The professional background before entering the political system and the career experience significantly shape the actions of those responsible for political narratives and strategies for social development. The ‘professionalism’ of politicians is a crucial factor in building public trust in state institutions, and, consequently, in the legitimacy of political power. Therefore, studying professional trajectories is important for solving practical issues, for forecasting future political trends, and for fostering public consensus on the competence of those in public administration.

The article was received in September 2024.

To address these questions, a quantitative biographical analysis was conducted on the professional experiences of current representatives across three levels of government. The sample included 800 politicians from the executive and legislative branches: 300 from the federal level, 400 from the regional level, and 100 from the municipal level.

Our findings reveal a dual trend. On one hand, the political system incorporates professionals who have achieved substantial success in their core fields, for whom politics serves as a meta-profession shaped by their previous experience outside of government. These individuals bring significant public authority, which enhances the political system's capital. On the other hand, the system is increasingly populated by "zero specialists"—individuals who enter government immediately after graduation, for whom public administration is their primary career. These individuals are often formed within the system, moving through closed and opaque channels of mobility, raising concerns about transparency.

This dual structure contributes to growing public skepticism. The public, who expect to see experienced professionals with authority in key sectors, often struggle to assess the competence of these "zero specialists". To enhance the legitimacy of the political system as a whole and its ruling elite in particular, it is essential to understand this trend and improve communication with the public regarding the principles behind the formation of the new elite.

Keywords: profession, politics, vertical mobility, habitus, elite, bureaucracy, career, social lift

References

- Auzan A.A. (2015) Path Dependence Problem: The Evolution of Approaches. *Moscow University Economics Bulletin*, no 1, pp. 3–17. Available at: <https://www.econ.msu.ru/science/economics/archive/2015/1/>, accessed 20.10.2024 (in Russian).
- Best H. (2007) New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites. *Comparative Sociology*, vol. 6, no 1–2, pp. 85–113. Available at: https://brill.com/view/journals/coso/6/1-2/article-p85_5.xml?ebody=abstract%2Fexcerpt, accessed 20.10.2024.
- Bourdieu P. (1993) *Sociology of Politics*, Moscow: Socio-Logos (in Russian).
- Bourdieu P. (1996) *The Rules of Art: The Genesis and Structure of the Literary Field*, California: Stanford University Press.
- Bourdieu P. (2007) *Sociology of Social Space*, Saint Petersburg: Aletejya (in Russian).
- Burnham J. (2021) *The Managerial Revolution: What Is Happening in the World*, London: Lume Books.
- Campanella T. (2021) *The City of the Sun*, Moscow: Amrita (in Russian).
- Confucius (2022) *Sayings of Confucius*, Moscow: AST (in Russian).
- Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. (2016) The Regional Power Groups: Main Socio-Structural Characteristics and Innovation Potential. *Power and Elites*, no 3, pp. 121–186 (in Russian). DOI: 10.31119/pe.2016.3.5
- David P.A. (1985) Clio and the Economics of QWERTY. *The American Economic Review*, vol. 75, no 2, pp. 332–337. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1805621>, accessed 20.10.2024.
- Fortescue S. (2020) Russia's Civil Service: Professional or Patrimonial? Executive Level Officials in Five Federal Ministries. *Post-Soviet Affairs*, vol. 36, no 4, pp. 365–388. DOI: 10.1080/1060586X.2020.1757314
- Foucault M. (2016) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

- Il'in V.I. (2015) The Profession as an Individual Life Path Dependency: A Conceptualization of the Category. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 13, no 4, pp. 515–528. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3297>, accessed 20.10.2024 (in Russian).
- Jessop B. (2015) *The State: Past, Present, Future*, New York: Polity.
- Kryshтанovskaya O.V. (1989) *Engineers. Formation and Development of a Professional Group*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Kryshтанovskaya O.V. (2002) Putin's Regime: A Liberal Militocracy? *Pro et Contra*, vol. 7, no 4, pp. 158–180. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21531729>, accessed 20.10.2024 (in Russian).
- Kryshтанovskaya O.V. (2005) *Anatomy of the Russian Elite*, Moscow: Zaharov (in Russian).
- Kryshтанovskaya O.V. (2020) The Key Trends in Forming the Governance Elite in Russia in 2020–2030. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*, no 5 (102), pp. 117–134 (in Russian). DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-117-134
- Lavrov I.A. (2023) *Institutionalisation of Political and Managerial Elite Formation in Modern Russia*. PhD Thesis, Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).
- Lenin V.I. (1963) *The Complete Works*, vol. 6, Moscow: State-Publishing House of Political Literature (in Russian).
- Li C. (2009) The Chinese Communist Party: Recruiting and Controlling the New Elites. *Journal of Current Chinese Affairs*, vol. 38, no 3, pp. 13–33. DOI: 10.1177/186810260903800302
- Magyar B., Madlovics B. (2022) *The Anatomy of Post-Communist Regimes: A Conceptual Framework*, vol. 2, Moscow: New Literary Review (in Russian).
- Mannheim K. (2010) *Selections: The Diagnosis of Our Time*, Moscow: RAO Talking Book (in Russian).
- Marx K., Engels F. (2023) *Manifesto of the Communist Party*, Moscow: Eksmo (in Russian).
- More T. (2019) *Utopia*, Moscow: Eksmo-Press (in Russian).
- Nureev R.M., Latov Y.V. (2005) Institutionalism in the New Economic History. *Institutional Economics*, Moscow: INFRA-M, pp. 242–289 (in Russian).
- Palitay I.S. (2020) Modern Russian Political Elite: A Status-Role Analysis of Generations. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*, no 5 (102), pp. 105–116 (in Russian). DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-105-116
- Plato (2021) *The Republic*, Moscow: AST (in Russian).
- Putnam R.D. (1976) *The Comparative Study of Political Elites*, New Jersey: Prentice Hall.
- Raef M. (1984) *Understanding Imperial Russia*, New York: Columbia University Press.
- Robinson N. (2017) The Decline of the Lawyer Politician. *Buffalo Law Review*, vol. 65, no 4, pp. 657–737. Available at: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/buffr65&div=24&id=&page=>, accessed 20.10.2024.
- Schmidt C. (2005) Japan's Circle of Power: Legitimacy and Integration of a National Elite. *Asien*, vol. 96, no 2005, pp. 46–67. Available at: https://asien.asienforschung.de/wp-content/uploads/sites/6/2014/04/ASIEN_96_Schmidt_Abstract.pdf, accessed 20.10.2024.
- Sorokin P.A. (1992) *Human. Civilization. Society*, Moscow: Politizdat (in Russian).
- Sorokin P.A. (2005) *Social Mobility*, Moscow: Academia (in Russian).
- Strauss W., Howe N. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*, New York: William Morrow Paperbacks.
- Tev D.B. (2022a) Business as a Source of the Recruitment of High-ranking Officials of Russian Federal Economic Ministries. *Russian Sociological Review*, no 3, pp. 104–126 (in Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-104-126
- Tev D.B. (2022b) Regional Administrative Elite: Socio-Professional Sources of Recruitment and Careers. *Power and Elites*, vol. 9, no 2, pp. 146–171 (in Russian). DOI: 10.31119/pe.2022.9.2.6
- Toqueville A. (2024) *Democracy in America*, Moscow: T8 Rugram (in Russian).
- Veblen T. (2016) *The Theory of the Leisure Class*, Moscow: Librokomb (in Russian).
- Veblen T. (2018) *The Engineers and the Price System*, Moscow: HSE (in Russian).
- Weber M. (1994) *Selections. Image of Society*, Moscow: Yurist (in Russian).

- Weber M. (2017) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*, Moscow: HSE (in Russian).
- Weber M. (2018) *Politics as a Vocation*, Moscow: Ripol-klassik (in Russian).
- Weeden K.A., Grusky D.B. (2005) The Case for a New Class Map. *American Journal of Sociology*, vol. 111, no 1, pp. 141–212. DOI: 10.1086/428815
- Yushkina N.A. (2020) Professional Elevators to the Russian Political Elite. *Digital Sociology*, vol. 3, no 4, pp. 25–35 (in Russian). DOI: 10.26425/2658-347X-2020-3-4-25-35